

У людей всегда есть одна скрытая скверная черта: то, на что они сами навесили ярлыки, они могут выбросить не задумываясь, но никому другому не позволят даже прикоснуться.

Занятия в университете, где учился Гу Цзинь, строились по блочной системе — три пары подряд, и высидеть больше двух часов было непросто.

В то утро, во время перемены после второй пары по маркетингу, Шэнь Фань почувствовал легкую вибрацию в кармане. Достав телефон, он обнаружил странное сообщение:

— Хочешь узнать, где он сейчас и что делает?

Шэнь Фань быстро поднял голову, окинул взглядом аудиторию, но не заметил ничего необычного — за исключением Тан Юйяня, который еще недавно был здесь, а теперь куда-то исчез.

Шэнь Фань на мгновение замер, но тут же уголки его губ изогнулись в улыбке, и пальцы заскакали по сенсорному экрану:

— Ну-ка, расскажи.

Собеседник, похоже, не ожидал, что он так легко клюнет, и ответил только через минуту:

— Лин Нин попал в неприятности, он отправился спасать красавчика.

Видимо, опасаясь, что он не поверит, вслед за сообщением пришло мультимедийное. Шэнь Фань открыл его одним нажатием: внутри оказалась фотография, на которой можно было отчетливо разглядеть прижавшихся друг к другу и целующихся Тан Юйяня и Лин Нина.

Улыбка Шэнь Фаня приобрела зловещий оттенок:

— С чего бы мне верить, что это фото настоящее? Даже если оно подлинное, какое мне до этого дело?

— Если бы тебе не было интересно, ты бы не стал со мной так долго болтать. Я люблю Лин Нина, тебе нужен Тан Юйянь, мы же союзники. Как насчет того, чтобы встретиться и поболтать?

Шэнь Фань презрительно фыркнул, напечатал короткое «Адрес», поднялся, широким шагом направляясь к выходу.

Пятиминутная перемена между второй и третьей парами давно закончилась, и студенты в

аудитории ошеломленно смотрели вслед уходящему Гу Цзиню.

Шэнь Фань все еще улыбался, идя по коридору, но на душе у него было тяжело. С того момента, как собеседник упомянул, что любит Лин Нина, он сразу догадался, кто это. В оригинальном мире этот парень был другом детства Лин Нина, Цюй Ифань.

Вот только Цюй Ифань вовсе не был простым обывателем — его семья со времен деда крутилась в темных делах. И если с Лин Нином что-то случилось, судя по развитию ситуации, процентов на восемьдесят к этому приложил руку именно он. В оригинальном сюжете на долю этого Цюй Ифаня выпала немалая заслуга.

Поначалу эта игра казалась даже забавной, но после присланной фотографии у Шэнь Фаня накопилось слишком много злости.

Стоило ему попытаться дать шанс себе и Тан Юйаню, как в дело вечно вмешивался Лин Нина, разрушая их пару так усердно, что это грозило испортить всю его репутацию.

Именно поэтому, прекрасно понимая, что поездка наверняка окажется ловушкой, Шэнь Фань все равно должен был туда поехать.

Если противник выставил против него копье, с какой стати ему не принимать вызов и не возвращать удар?

Шагая к выходу из кампуса по следам присланной фотографии, Шэнь Фань с полуулыбкой на губах набрал на экране короткое сообщение и отправил его адресату, подписанному просто как «Цзинь».

Затем он убрал телефон в карман и, продолжая идти, усмехнулся:

— Спасение красавчика? Хм, еще посмотрим, кто здесь главный герой.

Полгода спустя.

Вернувшийся Тан Юйань выглядел мрачно:

— Лин Нин, друзьями нам не стать, но и враждовать я не хочу. Так что отвечай — куда Цюй Ифань увел его?

Оглохший к моменту возвращения Тан Юйаня Лин Нин опустил взгляд:

— Я не знаю, что он тебе наговорил. Почему ты веришь ему, а не мне?

— Просто я не верю в такие совпадения.

Тан Юйань чеканил каждое слово, и каждый его шаг к нему был наполнен давящей властью:

— Лин Нин, я даю тебе последний шанс.

Лин Нин с бесстрастным выражением отвернулся, но в следующее мгновение на его лице отразилось неверие: рука мужчины безжалостно впилась ему в горло, словно он действительно собрался придушить его прямо здесь. А прижатый к самому уху голос звучал пугающе мрачно:

— Это ты вынудил меня пойти на крайние меры... Если вы посмеете тронуть его хоть пальцем, я клянусь, что уничтожу вас обоих, Лин Нин.

Тяжелый удар пришелся в затылок, и Лин Нин, не успев ничего ответить, погрузился во тьму и потерял сознание.

Тан Юйань вытащил телефон из кармана Лин Нина, разблокировал его и посмотрел на первый номер в списке исходящих вызовов. Его зрачки были настолько черными, будто в них запеклась кровь.

Стоило ему нажать кнопку повторного вызова, как в трубке раздался голос Цюй Ифаня:

— Сяо Нин? Я все сделал, можешь не волноваться. Я отвезу его в самое грязное место — он больше никогда не захочет появляться у вас на глазах!

В тот момент, когда тот заговорил, на лбу Тан Юйаня на мгновение вспыхнула багровая метка, исчезнув так быстро, что это могло показаться лишь игрой воображения.

Но за те дотые доли секунды, пока она горела, даже воздух заколебался от внести сильного жара и колоссального давления. Впрочем, разъяренный Тан Юйань этого даже не заметил.

— Цюй... И... Фань! — рассудок Тан Юйаня почти полностью угас, и ему стоило огромных усилий сдерживать себя, чтобы не раздавить телефон в руке. — Слушай сюда: если с Гу Цзинем случится хоть малейшая неприятность, я заставлю Лин Нина заплатить за него стократную цену!

В полумраке заброшенного цеха несколько суровых мужчин рассыпались по помещению, контролируя периметр. На пустом пространстве в самом дальнем углу сидел человек со связанными руками и завязанными глазами.

Хотя глаза парня были закрыты повязкой, это ничуть не умаляло редкостной красоты его

изящного лица, а беззащитный вид лишь резче подчеркивал свирепость окружавших его громил.

Шэнь Фань, завязанный повязкой по самые брови, сжался в комок, и в его голосе слышалось неподдельное отчаяние:

— Не причиняйте мне вреда... у меня... у меня богатая семья! Если вы меня отпустите, я дам вам очень, очень много денег!

— Можешь даже не надеяться, — в грубоватом голосе сквозила неприкрытая злоба. Шаги мужчин то приближались, то удалялись по бетонному полу, и ближайший из них процедил без всякой церемонии: — Мы связали тебя вовсе не ради денег. Хе-хе, кто просил тебя переходить дорогу тому, кому не следовало?

— И то верно, какой ты нежненький. Чего тебя понесло нарываться на ствол нашего... босса? — подал голос другой охранник, настроенный более фривольно. — Слышал я, наш босс собирается снять с твоим участием пару видео... Тц-тц, а ведь хорошенький ты какой, если удастся и нам разок перепасть, повезло же нам пожить...

Говоря это, этот бесцеремонный тип протянул руку и принялся гладить Шэнь Фаня по щеке.

Шэнь Фань испуганно вжался в стул, хотя в глубине души с трудом сдерживал яростный позыв сорвать путы и как следует отметелить подонков.

К счастью, товарищ тут же одернул наглеца:

— Не нарывайся на неприятности, босс еще не решил, как с ним поступить.

И действительно, вскоре посмертно раздались быстрые шаги:

— Указание от босса! Бросайте этого паренька, уходим! Черт побери, понятия не имею, каких покровителей он себе нашел, но оба главных чина из городского управления притащили с собой хвост из копов! Живо за мной!

Гонец не успел договорить, как в цехе поднялась суматоха. Все-таки они занимались темными делами, и панический страх перед незванными стражами порядка был у них в крови.

Меньше чем за минуту цех полностью опустел, и Шэнь Фань остался сидеть в одиночестве с невинным видом.

Городское управление?

Он-то хотел спровоцировать полный разрыв между оригинальной парочкой — Тан Юйанем и Лин Нином, — но никак не собирался привлекать внимание отца Гу Цзиня к тому, что его сын развлекается на стороне и попадает в заложники к создателям порнографии. Кто знает, что вообще представляло собой это местечко?

Если бы рядом обнаружилась двуспальная кровать размера кинг-сайз и целый арсенал секс-игрушек, смог бы он объяснить отцу Гу Цзиня, что ни сном ни духом ни о чем не ведал?

Вряд ли.

Пока Шэнь Фань колебался, не пора ли ему самому избавиться от пут и сделать ноги, тяжелая дверь цеха, закрытая всего мгновение назад, со страшным грохотом распахнулась.

Именно распахнулась — по крайней мере, удар был такой силы, что дверные петли моментально сорвало бы с мест.

Вошедший мужчина грубо оттолкнул человека, которого держал за шиворот, и широким шагом двинулся к центру цеха, где сидел Шэнь Фань.

Шэнь Фань даже не успел опомниться, как незнакомец рывком выдернул его со стула.

Расстояние между ними было столь ничтожным, что Шэнь Фань чувствовал чужое дыхание прямо на своей коже. Ему показалось, будто ледяной, пробирающий до костей холод, исходивший от этого мужчины, постепенно сменяется теплом, а его частые вздохи понемногу выравниваются.

Он не был настолько туп, чтобы не узнать гостя. Выражение наивности исчезло с лица Шэнь Фаня, уголки его губ привычно изогнулись, и он уже собирался заговорить, как действия мужчины прервали его.

Тан Юйань не стал развязывать веревки. Напротив, он собрал концы путов в кулак, склонился над Шэнь Фанем и, обхватив его тонкую шею — не давя на нее, но лишая возможности пошевелиться, — неумолимо припал губами к белой коже. По пустому цеху разнесся громкий, влажный звук, оставляя на идеальной шее дразнящий багровый след.

Шэнь Фань на миг замер, а затем, предоставляя партнеру действовать по своему усмотрению и одновременно подавляя поднимающееся в груди желание, лениво усмехнулся:

— Разве мы не собирались снимать кино для взрослых? Свет, камеры уже наготове? Или ты уверен, что для этого хватит всего двоих... ах...

Видно, слова Шэнь Фаня задели его за живое, потому что мужчина с силой, пусть и не причиняя боли, сжал его грудь прямо сквозь ткань одежды. Однако после этого движения Тан

Юаньань, который изначально затеял злонамеренную шутку, пожинает горькие плоды: юноша, которого он уже наполовину обнимал со спины, стонет в его объятиях словно соблазнительный демон, а поцелуй, который задумывался как легкий и мимолетный, из-за потери контроля со стороны инициатора становится куда более страстным и требовательным.

А за рухнувшими остатками разума прячется голос демона... Человек в его объятиях так ускользающе призрачен, он неизвестно когда может сбежать от него, это он сам соблазняет его, почему же он отталкивает то, что само плывет в руки...

Словно зачарованный, Тан Юаньань провел рукой вниз по точеной талии Шэнь Фаня.

Шэнь Фань чуть запрокинул голову, откинувшись назад на плечо Тан Юаньаня, и, подчиняясь инстинкту, подался ближе, выдыхая сквозь алые губы аромат орхидей: — ...Но ведь я ядовит, братец.

Фигура Тан Юаньаня внезапно замерла, и последняя линия обороны разума рухнула под натиском.

Шэнь Фань считал, что в определенных вопросах вовсе не придерживается принципа «насилие порождает сопротивление», но почему-то неизменно обнаруживал, что некто сперва разрывает на нем одежду, а затем безжалостно пожирает. В обеих своих жизнях Янь Хуайцзинь всегда носил мягкую, обходительную маску, а во второй и вовсе стал донельзя ленивым, но стоило ему оказаться в постели, как он словно преображался — чем ближе к телу была одежда, тем меньше от неё оставалось, и после каждого бурного соития на полу всегда валялись лишь горы рваных лоскутов.

Где-то в глубине души Янь Хуайцзинь наверняка прятал свирепого зверя.

Размышляя об этом, Шэнь Фань уже очнулся от глубокого сна, хотя перед глазами всё ещё стояла непроглядная тьма.

Тот человек наотрез отказывался развязывать повязку на его глазах, а концы верёвки, стягивавшей запястья, и вовсе держал в собственных руках. Перед тем как потерять сознание, Шэнь Фань помнил, как этот человек с силой вбивался в него, сжимая его талию, не оставляя ни капли пощады.

Шэнь Фань заметил, что в постели у этого человека всегда проявлялась жуткая, непреодолимая жажда контроля.

Имея за плечами опыт прошлой жизни, Шэнь Фань был готов к изнуряющей боли и ломоте во всём теле, однако перенапряжённые мышцы наотрез отказывались слушаться, мешая ему избавиться от пут на запястьях.

Шэнь Фань отвернул голову в сторону. Дыхание лежавшего рядом мужчины было ровным и спокойным, вот только рука, обнимавшая его за талию, сжимала слишком крепко —

Словно тот боялся, что он сбежит.

Движение, с которым Шэнь Фань приподнял голову, разбудило Тан Юйаня.

Впрочем, Тан Юйань не издал ни звука. Он лишь опустил ресницы и молча смотрел на человека, которого прижимал к груди, а в глубине его глаз таилась нежность, которой он сам в себе даже не замечал. Чресчур красивый юноша сидел с обнаженными, сияющими белизной плечами и спиной, покрытый метками чужих рук и укушенный в чужое пальто. Его лицо, на котором обычно запечатлевалось то высокомерие, то насмешливость, то манящий отблеск, сейчас слегка приподнялось, хотя на нем почти не читалось никаких эмоций. Те самые пунцовые губы, которые он искушал до состояния какого-то болезненного пристрастия, были крепко сжаты, а черная лента, закрывавшая лишь глаза, не скрывала нахмуренных тонких бровей.

Тан Юйань понимал, что юноша, должно быть, устал, но тот не делал даже слабых попыток сопротивляться.

Совсем не похоже на его характер.

Тан Юйань усмехнулся, уголком рта изогнувшись в улыбке, протянул руку, развязал путы на запястьях и глазах Шэнь Фаня, после чего бережно принялся массировать синевато-красные следы на его белых, как снег, запястьях.

Шэнь Фань сначала испугался внезапного движения Тан Юйаня, но, придя в себя, тут же с чистой совестью устроился в его объятиях, не оказывая ни сопротивления, ни покорности.

Шагнув за приоткрытую створку двери, Шэнь Фань испугался тех, кто ждал снаружи, а те, кто стоял снаружи, в свою очередь немало изумились появившейся парочке.

Несколько человек — кто стоял, кто сидел на корточках, а кто прислонился к стене, зажав между пальцами сигареты и глядя в их сторону — были Шэнь Фаню незнакомы, но всё же не до конца чужды. Это были те самые важные второстепенные персонажи, которые неизменно вились вокруг главного героя в этом мире. По своему происхождению они являлись родовитыми мажорами во втором поколении, а характерами обладали схожими — надменными и даже властными, разве что у одних это выплескивалось наружу, другие прятали это на самом дне души, а третьи... Шэнь Фань бросил косой взгляд на стоявшего рядом мужчину, чье лицо сохраняло полное равнодушие:

Третьи, даже небрежно и неряшливо прислонившись к стене, одним лишь взглядом и малейшим движением невольно выдавали свое благородное происхождение.

Вот только Шэнь Фань никак не ожидал, что все эти ребята, обычно разбросанные по самым разным уголкам страны, вдруг соберутся здесь одновременно.

А те самые мажоры, которым выпал редкий шанс собраться вместе, но которых затащили сюда слушать чужие стоны добрую половину дня, вновь переглянулись меж собой. Этот вышедший парень — живое воплощение главного мальчика по вызову из какого-нибудь модного бара, на котором едва ли была хоть какая-то одежда, кроме чужого пальто, туго запахнутого поверх обнаженных белых ног, с бесстрастным лицом и чистыми глазами — неужели и впрямь их будущая старшая невестка?

Пока эта компания еще разглядывала Шэнь Фаня и обменивалась знаками друг с другом, Тан Юэань нахмурился и делом подтвердил их догадки:

— Насмотрелись уже? Чего же во время недавней коллективной ярмарки невест у каждого из вас глаза так воровски не горели? Хотите проверить на деле, заставлю ли я ваших матушек перезнакомить вас с кем попало, если у кого-то из вас сейчас выдастся свободное время?

Стоило ему это произнести, как все всё поняли: столь беспрецедентное и примитивное ребячество, с которым молодой господин Тан бросился защищать свою добычу, можно было объяснить только периодом влюбленности. Тот из них, кто улыбался наиболее многозначительно, по знаку остальных вышел вперед.

Это и есть та самая невестка, которую братья ждали больше десяти лет? Наслышан, наслышан. Простите, а как ваша фамилия?

Шэнь Фань впервые в жизни столкнулся с тем, чтобы сначала говорили наслышан, а уже потом спрашивали как ваша фамилия. Впрочем, людей настолько толстокожих, которые не только не скрывают этого, но еще и гордятся, встретишь нечасто.

Шэнь Фань с вызовом приподнял брови и улыбнулся: Моя фамилия Гу, Гу Цзинь.

Произнеся это, Шэнь Фань закрыл рот, ожидая реакции остальных.

И действительно, стоило его словам умолкнуть, как лица стоявших позади парней мгновенно изменились. В конце концов, этот город был местом, где Тан Юэань учился в университете и где они все познакомились, так что эти парни не могли не знать о сыне городского мэра. К тому же, некоторое время назад они слышали, что этот самый юноша, пытавшийся задрать нос повыше и пробиться в высшее общество, уже несколько раз цеплялся за Тан Юэаня в университете. С чего бы это вдруг они...

Кто-то позади едва не подскочил, не в силах сдержать эмоции: Да он же сам навязывался —

Тан Юэань, разумеется, тоже заметил перемену в их настроении. Бросив на говорившего не слишком ласковый взгляд, он протянул руку и притянул к себе Шэнь Фаня, опередившего его на полшага. У них шкуры толстые, померзнут немного — и хватит. На улице холодно, нечего тут стоять. Поехали со мной домой, я провожу тебя до машины.

Гу Цзинь с загадочной улыбкой кивнул остальным и позволил Тан Юэаню посадить себя в припаркованную рядом машину.

Подожди немного, я сейчас вернусь.

Тан Юэань склонился к Шэнь Фаню и легко коснулся губами его губ, после чего с довольным видом обернулся. Его глаза, темные, будто растертая тушь, устремились на стоявших неподалеку парней.

Тот, кто мысленно проглотил едва не сорвавшееся с языка слово про свадьбу, под взглядом Тан Юэаня втянул голову в плечи.

А вот стоявший впереди Цинь Чжэнь по-прежнему улыбался, однако его взгляд на этот раз был непривычно серьезным. Ты зашел слишком далеко в этой своей игре. — Он бросил взгляд на неясный силуэт в темноте салона автомобиля, после чего снова посмотрел на Тан Юэаня. — Мало того, что парень, так еще и сын мэра Гу. Ладно еще эта простолюдинка Линь Нин — ее ты хотя бы мог прятать, но сменить ее на столь беспокойную особу... неужели ты не боишься, что все зайдет слишком далеко и об этом узнает твой старик?

Тан Юэань беззаботно улыбнулся: Я и не собирался скрывать.

Стоило ему это произнести, как сигарета выпала изо рта стоявшего позади парня с сигаретой в зубах и нахмуренными бровями. Он даже не заметил, как на его одежде остался темный след. Брат, ты сошел с ума?! — Второй батя тебя заживо шкурку снимет!

Тан Юэань снова нахмурился и бросил косой взгляд на этого шумного двоюродного брата: Если еще хоть раз распустишь язык и забудешь о манерах, я сам с тебя шкуру сдеру.

Юй Тань прав, дядя Тан не позволит тебе так баловаться, — подал голос еще один мужчина из той группы, самый тихий и невозмутимый. — Мы не можем позволить себе такие шутки, ты должен понимать это лучше нас.

Я уеду с ним за границу, — мрачновато произнес Тан Юэань. — Пока я все не подготовлю, ничего никому не говорите.

...А как же Линь Нин? — Цинь Чжэнь сбросил улыбку.

Мы с Линь Нин больше не имеем друг к другу никакого отношения. И если уж на то пошло, — в его глазах промелькнула жесткость, — я заставлю его и Цюй Ифаня заплатить. И далеко не тем, что происходит сегодня.

Цинь Чжэнь замер: С чего ты взял, что для тебя он не окажется еще одной Линь Нин?

Конечно, я знаю... потому что я понял, что ради него готов отказаться от всего, и к тому же — на этих словах Тан Юэань замолк, а его голос стал таким тихим, будто он говорил сам с собой, — ...и почему-то мне кажется, что я уже делал это раньше.

В то же время.

В припаркованной неподалеку на обочине машине Шэнь Фань слушал прозвучавшее прямо в голове напоминание о выполнении задания. Уголки его губ изогнулись, когда он посмотрел в сторону: красивый юноша за автомобильным стеклом одаривал его довольной улыбкой.

Прошло всего несколько дней после завершения очередного мирового задания, как Шэнь Фань был насильственно выброшен оттуда. Очнувшись посреди долгой темноты и глядя на систему-кровать, которую с большим натяжкой можно было назвать удобной, он хоть и скривился

недовольно, но держался гораздо лучше, чем в первый раз: Опять эта ситуация?

Большие глаза системы-кровати моргнули вверх-вниз, после чего она неуверенно поинтересовалась: В этот раз тот мужчина снова был главным героем?

Шэнь Фань рассеянно кивнул.

После этого он в очередной раз упустил из виду остекленевший от страха взгляд системы-кровати.

Глава 13. Зависимость от мака (Часть 1)

Шэнь Цунъань вырастил неблагодарного волчонка.

Знакомые и незнакомые — все только об этом и говорили.

Всю свою жизнь Шэнь Цунъань просчитывал каждый шаг, вытаскивая огромную Семью Шэнь из развалин и штормов на путь возрождения и бесконечного величия, превзошедшего даже времена ее наивысшего расцвета. Он был неповторимой легендой во тьме.

Однако эта легенда в конце концов оборвалась по его собственной вине.

<http://bllate.org/book/21680/2236415>